

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 с.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – 2 изд. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 368 с.
4. Грицай Е. В. Инициация постмодерна (на полях у Бодрийяра) // Вопросы философии. 2003. № 9. – С. 170-179.
5. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Бунтующий человек. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С. 23-100.
6. Кара-Мурза А. А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М.: Институт философии РАН, 1995. – 211 с.
7. Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Известия УрФУ. Серия: Общественные науки. 2013. № 1(112). – С. 6-17.
8. Муссолини Б. Доктрина фашизма // Антология мировой политической мысли: в 5 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1997. – С. 234-252.
9. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.

О «НЕСИММЕТРИЧНОМ» ИТОГЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ
А. С. ГРИНОМ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ МОТИВОВ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Фокин Н. П.
г. Екатеринбург, УрФУ

ASYMMETRICAL SUMMARY OF THE EXPERIENCES OF A. S. GREENE OF
THE MORAL MOTIVES OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

Fokyn N. P.
Yekaterinburg, Ural federal university

Аннотация: в статье рассматривается соотношение творческого метода А. С. Грина и нравственных мотивов русской революции 1917 года.

Ключевые слова: иная реальность, воображаемая идентификация, магический реализм, чудесный технический артефакт.

Abstract. The article deals the relationship creative method of A. S. Greene and moral motives of the Russian revolution of 1917.

Keywords: a different reality, imaginary identification, the anticipation of magical realism, the wonderful technical artifact.

Великий русский писатель Александр Степанович Гриневский, известный нам под псевдонимом «А. С. Грин», был некоторое время активным революционером, членом террористической организации партии эсеров, но затем отошел от революционного движения и посвятил себя художественному творчеству. Его отношение к русской революции и к революциям вообще весьма лично, противоречиво и в существенном итоге очень отличается от реакции на революцию всех других представителей русской художественной элиты – современников и коллег А. С. Грина. Если использовать политический термин нашего двадцать первого века отношение А. С. Грина к русской революции было «несимметричным», то есть отличным и от восторженно-положительного, внушаемого советской пропагандой, и от враждебно-обывательского, и от безразлично-изучающего, характерного для западных гуманитариев и т. п. Несимметричное отношение А. С. Грина реализовалось в творческо-синтетическом процессе формирования радикально-обновленного романтического мировоззрения, ядром которого стал новый художественно-философский метод. Его суть очень осторожно можно назвать предвосхищением магического реализма.

Как справедливо указывают многие современные исследователи творчества А. С. Грина, например, А. Н. Варламов [См.: 1] и В. Ковский [См.: 4], к 1910 году уже сам писатель определился в отношении содержания произошедшего в его мироощущении переворота. А. С. Грин писал в одном документе, адресованном полицейским властям России: «...в мирозерцании моем произошел полный переворот, заставивший меня резко и категорически уклониться от всяких сношений с политическими кружками... Произведения мои, художественные по существу, содержат в себе лишь общие психологические концепции и символы и лишены каких бы то ни было тенденций». Единственное, чего хотел теперь Грин – «трудиться, по мере сил, на поприще русской художественной литературы». Но карательная машина продолжала двигаться по инерции, сурово наказывая писателя за грехи юности... » [Цит. по: 4].

С другой стороны, остро пережив в своих скитаниях юности многочисленные случаи несправедливости, жестокости, насилия, писатель, как говорит В. Ковский, «никогда не был и не мог быть политическим реакционером. Не говорю уже о его прозе, которая целиком замешена на идеях социальной справедливости, пронизана мыслью о возможности справедливости, об общественных отношениях, преодолевших буржуазные антагонизмы. В этом плане произведения Грина не только не лишены каких бы то ни было тенденций, а напротив – они сугубо тенденциозны» [Там же].

А. С. Грин, описывая предсмертные переживания Ольсена (героя рассказа «Возвращение»), говорит, что «Вместе с последним усилием мысли вышли из него и все душевные пути, и он понял, как понимал всегда, но не замечал этого, что он – человек, что вся земля, со всем, что на ней есть, дана ему для жизни и для признания этой жизни всюду, где она есть» [2, с. 291-292]. Перед читателем – формула, позволяющая трактовать себя как выраженный максимально сжато принцип современной эоцентристской парадигмы отношения человека и природы. При этом мировоззрение положительных персонажей А. С. Грина, следовательно, и самого автора, полностью исключает допустимость технократических, насильственных вариантов обеспечения для человека роста его благополучия и контроля над природой. Для осуществления функций прогресса истинно человеческой цивилизации человек в понимании А. С. Грина актуализирует и разовьет иной, «несимметричный» технократистскому, вариант технического прогресса. А. С. Грин предлагает вниманию читателей несколько технических артефактов иной, не технократической представленности. Все они – посредники в осуществлении связи с иной реальностью, доступ к которой обеспечивается лишь специально ориентированной, методически строгой сверхинтенсивной деятельностью воображения в единстве с верой особенного качества. Самая подробная и точная картина длительного контакта с иной реальностью с помощью таинственного технического артефакта дана А. С. Грином в гениальной повести «Фанданго».

А. С. Грин даёт артефакту такое описание. Это «небольшой острый конус из белого металла, по которому, когда он блеснул при свете, мелькнула внутренняя зелёная черта» [3, с. 384]. В другом эпизоде даются дополнительные характеристики: «конус был довольно тяжёл, высотой дюйма четыре и с

основанием в разрез яблока, совершенно гладкий и правильный. Его цвет старого серебра с оливковой тенью был замечателен тем, что при усилении зеленоватого света казался темно-лиловым [3, с. 385]. Основная функция этого прибора – в несколько секунд после удаления покрова произвести поток зеленого света чрезвычайной интенсивности. Такой свет уничтожает тени и обеспечивает возможность перехода к иным: миру, времени, пространству, т.е. к реальности иного, но подобного привычно-обыденной, онтического статуса. Автор пишет: «Весь конус озарился сильнейшим блеском, и не прошло секунды как ... – возник зеленоватый день, в свете которого не было ни одной тени [3, с. 385-386]. Необыкновенно сильный, не дающей тени, свет заставляет вспомнить изначальный «фаворский» свет, описываемый христианскими евангелистами и многие другие феномены света, встречающиеся в литературе самых различных направлений и жанров – от философской онтологии до популяризаторских сочинений по физике и «фэнтези».

Самым существенным участником описываемого процесса является личность персонажа, от лица которого ведется повествование, – Александра Каура. Его роль, однако, не может быть сведена только к функции «встроенного наблюдателя». Суть в том, что тело и душа этого человека, направляемые идеалами высшего духовно-нравственного порядка, настраиваются на вибрацию в той же частоте, что и могущественный свет из иной реальности, излучаемый упомянутым конусом. Наконец, наступает момент резонанса, который и описывается А. С. Грином как момент полного ощущения А. Кауром себя в иной реальности, – ярко освещенной солнцем комнате второго этажа дома в южном портовом городе.

Таким образом, мы можем набросать предварительную схему одной из базисных структур художественно-философского метода А. С. Грина. Ее элементы: 1) реальность, слышущая подлинной в массовом сознании в соответствующий момент времени в соответствующем месте; 2) наблюдатель, вернее, субъект специально культивированного воображения, его безусловная вера в свершение встречи с «несбывшимся»; 3) настройка всех телесных и душевных сил наблюдателя в резонанс с «несбывшимся»; 3) технический артефакт, роль которого можно назвать ролью усилителя сигналов иной

реальности; 4) иная реальность в определенный момент ее времени в определенном месте пространства.

Список литературы

1. Варламов А. Н. Жизнь замечательных людей. Александр Грин. [Электронный ресурс] Режим доступа: Modernlib.ru/books/varlamov_aleksey_nikolaevich/aleksandr_grin/read (Дата обращения: 10.04.2017).
2. Грин А. С. Возвращение / Грин А. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5. – М.: Правда, 1965. С. 283-292.
3. Грин А. С. Фанданго / Грин А. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Том 5. – М.: Правда, 1965. С. 345-398.
4. Ковский В. Блистающий мир Александра Грина. 1991.[Электронный ресурс]. Режим доступа: fandom.ru/about_fan/kovskiy_1.htm (Дата обращения: 10.04.2017).

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Фомина М. Н.
г. Чита, ЗабГУ

PHILOSOPHY OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL CULTURE

Fomina M. N.
Chita, Transbaikal State University

Аннотация. Статья посвящена размышлению о философском образовании, в лоне которого происходит формирование философской культуры, которая осмысливается как культура мышления.

Ключевые слова: философия, философская культура, философское образование

Abstract. The article is devoted to thinking about philosophical education. Philosophical education forms a philosophical culture. Philosophical culture is a culture of thinking.

Keywords: philosophy, philosophical culture, philosophical education.

На фоне сокращения часов на преподавание философии в системе высшего образования невольно задумываешься о том, что технократическое мышление преобладает над философским...